

Не удивительно, что в таких условиях систематически заниматься научными исследованиями было просто невозможно. На неблагоприятные внешние условия накладывалась внутренняя опустошенность. «Я, при всей своей привычке и любви к труду, — не могу работать. Сажусь за свои научные темы, и неотвязно преследует мысль: это никому не нужно, бессмысленно...»¹, — признавался Веселовский. Несмотря на все это, исследовательская работа продолжалась. Более того, научная работа также превратилась в форму ухода от бытовых проблем.

2. Научная и просветительская деятельность

В новых условиях перед представителями старой академической науки стояло несколько задач: 1) в связи с уничтожением прежней системы хранения архивов возникла острая необходимость спасения этих богатств; 2) сохранение традиций дореволюционной исторической науки в новых условиях; 3) популяризация исторического знания в связи с возрастанием интереса к истории в переломную историческую эпоху. Надо сказать, что по мере сил в их решении приняли участие Готье, Веселовский, Яковлев и Бахрушин.

Большое значение в профессиональной деятельности Готье, Яковлева и Бахрушина занимал Румянцевский музей. Последний, благодаря дружеским отношениям с Готье и Яковлевым, поступил на работу в Румянцевский музей, где проработал с 1 октября 1918 г. по 1 декабря 1922 г.² Работа в музее в это время в основном заключалась в сохранении уже накопленных коллекций и принятии новых, оказавшихся под угрозой уничтожения из-за царившей в стране разрухи. Главные трудности возникали с элементарным снабжением дровами, инвентарем, продовольствием и т. д. Возникали регулярные конфликты с властями, вмешавшихся в работу музея и проводивших постоянные аресты работников. Особенно трудная ситуация сложилась после отставки директора кн. В.Д. Голицына. В самом коллективе музея также были непростые отношения: на место директора метил А.К. Виноградов, бывший достаточно близок к новой власти. После смещения Голицына именно Виноградов займет его должность. В 1918 гг. в музее произошел скандал. Сначала Готье, а затем Яковлев были обвинены в хищении музейных ценностей (на самом деле они пытались спасти их от конфискации). Если в случае с Готье все обошлось, то Яковлев был уволен 7 декабря 1923 г., хотя состава преступления в его действиях

¹ Там же. № 3. С. 105.

² Коваль Л.М. Указ. соч. С. 195–196.

не обнаружили¹. В дальнейшем эти события всплыли, сыграв свою негативную роль во время следствия по так называемому «Академическому делу» в 1930 г.

Активное участие московские историки принимали в архивной деятельности. Движение по спасению отечественных архивов от уничтожения вовлекло в свои ряды практически всех заметных историков этого времени. В марте 1917 г. в Петрограде был создан Союз российских архивных деятелей (Союз РАД) во главе с А.С. Лаппо-Данилевским, а после его кончины — С.Ф. Платоновым. В Москве появилась автономная организация, которую возглавил М.К. Любавский. Ядром этого сообщества являлись крупные историки и архивисты: Н.Н. Ардашев, С.А. Белокуров, Н.П. Высоцкий, Н.А. Попов, Д.В. Цветаев, В.И. Пичета, С.Б. Веселовский и Ю.В. Готье². Веселовский в московской организации занял должность старшего областного инспектора, в обязанность которому вменялось обследование и экспертиза подмосковных архивов. В помощники ему были назначены А.Ф. Изюмов, В.И. Пичета, Л.И. Львов, С.А. Друцкой и М.С. Вишневский³.

В Петрограде и Москве при археологических институтах были организованы специальные архивные курсы. По мнению М.К. Любавского, «московские организаторы курсов положили в основу мысль об увеличении кадров научных архивных работников, так сказать, архивистов которые ценили бы архивный материал, как источник научных исследований. В Петрограде цель была более практическая — во-первых, усовершенствовать уже работающих в архивах, во-вторых, приготовить кадр рядовых работников архивного дела, так сказать архивариусов»⁴. Эти же различия московских и петербургских архивных курсов отмечал и А.Е. Пресняков⁵. Исходя из поставленных целей, центр тяжести на Московских архивных курсах приходился на преподавание теории и истории архивного дела. Именно в этом ключе читались лекции. Первоначально заведовать курсами было предложено Веселовскому, но тот отказался в связи с регулярными отлучками из Москвы, поэтому курсы возглавил Любавский⁶.

¹ Кугляковская Л.И. Судьбы сотрудников Румянцевского музея и Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина в период чисток и репрессий (1918–1939) // Книга в пространстве культуры. Вып. 1 (4). М., 2008. С. 32–33.

² Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы: 1917–1980-е гг. М., 1994. С. 72.

³ М.К. Любавский о первых месяцах архивной реформы 1918 г. / Подг. А.В. Мельников // Исторический архив. 2005. № 3. С. 124.

⁴ ГАРФ. Ф. Р–5325. Оп. 9. Д. 53. Л. 25.

⁵ Пресняков А.Е. Реформа архивного дела // Русский исторический журнал. 1918. № 5. С. 219–220.

⁶ ГАРФ. Ф. Р–5325. Оп. 9. Д. 53. Л. 13 об.

Одним из лекторов стал Готье. В 1918/1919 учебном году он прочитал курс лекций «История русских архивов»¹. Показательно, что первоначально лекционные курсы Готье и Веселовского, предложившего тему «Русское архивоведение (курс сведений о русских архивах и их составе)»², практически совпадали. Но последний изменил тему своих лекций, и проблема быстро разрешилась. Данный поступок интересен тем, что известно, что после рецензии Веселовского на книгу Готье о Замосковном крае отношения между ними не отличались теплотой. Но в данной ситуации противоречия отступили перед общим делом. Вместо ранее заявленной темы Веселовский прочитал курс «Приказной строй в Московском государстве, его делопроизводство и Архивы»³. Яковлев должен был вести лекции по теме «Обзор русской археографии и изданий документов», но из-за болезни отложил их на второе полугодие⁴. Бахрушин читал лекции на тему «Обзор источников Русской истории (памятники повествовательного характера)». К сожалению, все курсы, кроме лекций Готье, до сих пор не обнаружены.

Надо отметить, что сам историк не всегда положительно оценивал роль этих курсов. Так, в его дневнике можно найти скептическую заметку: «Вчера я читал на архивных курсах. Передо мною сидела пролетарская девица в платочке. Что может она почерпнуть из моих лекций?»⁵ Впрочем, данное замечание вписывается в его общее пессимистическое настроение, связанное с разрушением российской государственности.

Целью лекционного курса «История русских архивов» было стремление «проследить историю архивов из мест свалки документов в цепь ученых учреждений, связанных общей программой и общей деятельностью»⁶. Уже в этом видна общая схема развития архивного дела с точки зрения Готье. Она заключалась в постепенной эволюции в сторону централизации и координации архивной работы. Если сравнить данный тезис с работами ученого о шведских архивах, то можно отметить, что развитие российских архивов виделось ему в том же ключе, что и в Западной Европе.

В своих лекциях Готье дал представление о месте архивов не только в науке, но и в обществе в целом. Он охарактеризовал архив как «ученое учреждение, которое 1) хранит памятники археографической старины;

¹ Помимо АРАН стенограмма лекций сохранилась в ГАРФ (Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 56. Л. 129–224). В данной работе ссылки даются по экземпляру, находящемуся в АРАН.

² ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 53. Л. 1 об.

³ Там же. Л. 14.

⁴ Там же. Л. 3 об.

⁵ Готье Ю.В. Мои заметки... С. 327.

⁶ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Д. 15 а. Л. 3.

2) [где] систематизируют их и приводят в порядок и 3) изучают их»¹. Из этого определения видно, что историк подразумевал под архивами не просто хранилища документов, где проводится их первичная обработка, но и исследовательские центры. Далее он написал: «Архив — ученый археографический институт — мыслится как согласованная и подчиненная деятельность центрального высшего архивно-ученого института»². В данной дефиниции заключена важная мысль о том, что одной из составляющих архивной практики должна быть археографическая работа, т.е. введение архивных источников в научный оборот. Тем самым Готье выразил идею о взаимосвязи между всеми звеньями обнародования документа: хранение, обнаружение и публикация источника³.

Не меньшее значение ученый придавал и социальной роли архивов. По его мнению, сохранение документов обусловлено их «важностью в настоящем или потенциальной важностью в будущем»⁴. Таким образом, понимание историком миссии архивов соответствовало самым высоким достижениям современного ему архивоведения.

Историю архивов Готье начинал с Древней Руси, где, по его мнению, обнаруживались зачатки архивохранилищ. Данная точка зрения находит подтверждение в работах многих архивистов⁵. Древнейшим государственным архивом на территории Руси он считал Архив великих господарей литовских и русских, появившийся в конце XV в. Начало систематического хранения документов в Московской Руси историк связывал с правлением Ивана III. Как важный этап в становлении архивной системы Готье отмечал созданием приказов, соединивших в себе функции учреждений и архивохранилищ. Эта система оказалась настолько органичной, что разрушение Петром I приказной системы «повлекло за собой несомненное расстройство и даже часто, вероятно, гибель документов»⁶. Тем самым историк подчеркивал и негативные последствия введения Генерального регламента Петром I, в частности хаос в делопроизводстве. Не менее критично Готье оценивал общее положение и работу архивов на протяжении всего XVIII в. «Каково было на самом деле общее состояние

¹ Там же. Л. 1.

² Там же.

³ Об этом подробнее см.: *Рождественский С.В.* Историк-археограф-архивист // Архивное дело. 1923. № 1. С. 1–12.

⁴ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Д. 15 а. Л. 3.

⁵ См., напр.: *Маяковский И.Л.* Исторический очерк архивного дела в России. Пг., 1920. С. 39–40; *Старостин Е.В.* Архивы России: методологические аспекты архивоведческого знания. М., 2001. С. 5; *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах... С. 88–90. Впрочем, есть и противоположные мнения по этой проблеме.

⁶ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Д. 15 а. Л. 10.

русских архивов в XVIII в. ...Едва ли логично признать его вполне удовлетворительным. Документы по-прежнему гнили... и расхищались»¹. Еще хуже было положение провинциальных архивохранилищ, которое «оставалось совершенно таким же, каким было в XVII в.»².

Развитие архивов в первой половине XIX в. лектор представил как продолжение традиций XVIII в. Он подробно остановился на конкретных судьбах крупнейших архивов Российской империи, дав краткие обзоры истории Государственного архива, Петроградского главного архива Министерства иностранных дел, Архива Государственного совета законодательных дел, Архива Министерства двора и многих других. Коснулся он и работы архивов Польши, Украины, Белоруссии. Особый раздел посвящался провинциальным архивам, в научном освоении и работе которых историк отметил большую роль губернских ученых архивных комиссий. Состояние провинциальных архивов он признавал неудовлетворительным: «Таким образом, русские провинциальные хранилища представляют различными способами слагающуюся, но до сих пор рассыпанную хоромину, в составе которой есть весьма ценные памятники, но есть и очень много рядового архивного хлама»³.

Центральное место в эволюции архивной науки ученый отвел Московскому архиву Министерства юстиции, где апробировались новые подходы как в теории, так и в практике архивного дела. Поворот в работе архивов Готье связывал с именами управляющих МАМЮ Н.В. Калачова (1865–1885) и Н.А. Попова (1886–1891), когда «описание архива впервые встало на твердую почву»⁴. При них оно проводилось «не в виде простых описей, а в виде обзоров отдельных документов, составлявших нечто среднее между описанием и научным исследованием»⁵. Появление описей способствовало знакомству широкой научной общественности с архивными богатствами. Ключевым событием в развитии архивной системы в России, по мнению историка, стал II Археологический съезд⁶, на котором Калачов обнародовал свою концепцию реформирования архивного дела в России, где предлагал перевод его на начала централизации и науки. Положительно Готье оценивал и деятельность преемников: Н.В. Калачова и Н.А. Попова, Д.Я. Самоквасова и Д.В. Цветаева. Высокую оценку получило описание столбцов Разрядного приказа, в основном

¹ Там же. Л. 11.

² Там же. Л. 11 об.

³ Там же. Л. 40.

⁴ Там же. Л. 18.

⁵ Там же. Л. 18.

⁶ Ю.В. Готье ошибочно датирует его 1872 г., хотя в реальности он проходил в 1871 г. См.: *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах... С. 165.

проведенное при Цветаеве, в котором Готье непосредственно участвовал: «...Архив с его многочисленными книгами и бесчисленными столбцами стал доступен и обозрим: ученая работа по столбцам разрядного приказа, ранее за отсутствием описи почти невозможная, стала одним из самых заманчивых и доступных в области наших архивов исследований»¹.

Итоги формирования архивов в России Готье сформулировал так: «Тип ведомственного архива, появившийся у нас в XVIII в., остается преобладающим до начала XX столетия, но этот тип в своих наиболее развитых и благоустроенных разновидностях уже не только приближается к настоящему ученому учреждению, но и осуществляет его в значительной полноте»². И далее: «Изучение истории новейших русских архивов и их состояния до архивной реформы должно убедить в том, что наши архивы уже давно находились в состоянии переходном, которое требовало своего завершения и превращения их из разрозненных, друг с другом не связанных хранилищ в систему учреждений стройную и согласованную»³.

Таким образом, ученый подводил к мысли о закономерности архивной реформы 1918 г., подготовленной естественной эволюцией отечественной архивной системы и деятельностью выдающихся архивистов дореволюционной России: «Революционная реформа 1918 г. осуществила главные мысли Калачова, Самоквасова и деятельность Русского исторического общества, видоизменив их лишь в частности»⁴. Здесь отчетливо выражена тенденция преемственности разных этапов в истории российских архивов, что подтверждается в работах практически всех современных историков архивного дела. С точки зрения Готье, дальнейшее поступательное развитие отечественного архивного дела должно проходить уже по западноевропейскому пути⁵.

Одновременно с чтением лекций на архивных курсах ученый участвовал в сохранении исторических документов. В 1918 г. Готье входил в архивно-библиотечный отдел Комиссии по охране памятников искусства и старины при Моссовете, которая занималась сохранением архивов как упраздненных после Октябрьской революции государственных учреждений, так и частных лиц⁶. В 1919 г. его усилиями для Румянцевского музея был приобретен архив генерала А.М. Стесселя⁷.

¹ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Д. 15 а. Л. 18 об.

² Там же. Л. 64.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 90 об.

⁵ Там же. Л. 64.

⁶ *Автократов В.Н.* Из истории централизации архивного дела в России (1917–1918 гг.) // Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 366; см. также: *Отечественные архивы.* 1993. № 3. С. 9–35.

⁷ *Готье Ю.В.* Мои заметки... С. 294.

Активное участие Готье принял в 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей, проходившей в Москве в 1921 г. с 29 сентября по 3 октября. Он выступил с докладом «Движение исторической науки в связи с развитием археографии», в котором установил взаимосвязь между развитием архивного дела и публикацией исторических источников. Начало русской археографии Готье отнес к 1770 г., когда историк М.М. Щербатов приступил к работе в Московском архиве Коллегии иностранных дел¹. В XIX в. движение исторической науки в России, по мысли автора, было тесно связано с поиском и публикацией прежде не изученных документов. Обращение к архивам позволило отечественной историографии достичь небывалых высот. Завершая свое выступление, историк высказал мнение, что прогресс исторической науки возможен лишь с «дальнейшим приведением в порядок архивных богатств»². Он призывал большое внимание уделить провинциальным архивам, находившимся в плачевном состоянии при всем их значении в общей архивной системе. На этой же конференции встал вопрос о необходимости разработки архивоведческой терминологии, в первую очередь термина «архивный фонд». Во главе комиссии поставили Готье, но ее работа не увенчалась успешным результатом³.

Готье болезненно перенес революционные события, которые самым пагубным образом отразились на деятельности архивов. Он категорически, так же как и Веселовский, не принимал вмешательства большевиков в архивную работу⁴. Особенно скептически историк отнесся к попыткам большевиков взять под свой контроль архивную систему, хотя те, по его мнению, не имели о ней никакого представления. В этом смысле показательно его отношение к Д.Б. Рязанову, председателю Центрального комитета по управлению архивами, которого называл «архивным диктатором»: «Он... с покровительственным высокомерием говорил о русских профессорах; с ученым видом знатока говорил об архивном деле, в котором, на самом деле, не пошел дальше старого доброго Самоквасова»⁵. В 1922 г. Ю.В. Готье, М.К. Любавский, А.Н. Савин и М.М. Богословский подписали письмо в Президиум ВЦИК и Центрархив, в котором выступили против сокращения архивных штатов, грозившего катастрофой сохранности отечественных архивов⁶.

¹ 1-я Всероссийская конференция архивных деятелей (Москва, 29 сентября – 3 октября 1921 г.) // Архивное дело. 1923. № 1. С. 117.

² Там же. С. 118.

³ *Автократов В.Н.* Понятие «архивный фонд» в советском архивоведении 1920-х годов // АЕ за 1984. М., 1986. С. 50.

⁴ *Готье Ю.В.* Мои заметки... С. 53–54.

⁵ Там же. С. 145.

⁶ *Мандрик М.В.* К 125-летию со дня рождения историка Ю.В. Готье // Клио. 1998. № 1. С. 256–257.

Для спасения провинциальных архивов было создано Московское областное архивное управление. Для решения поставленной задачи управление рассылало по Московской губернии специальных агентов, целью которых была оценка местных архивохранилищ и экспертиза архивных документов. В члены его правления входил Веселовский, который также возглавил инспекцию Главархива¹.

Несмотря на все усилия, по мнению Веселовского, архивная реформа не достигала поставленных целей. Причинами тому были недостаток квалифицированных кадров, «отсутствие деловой дисциплины и чисто русская неряшливость»². Трудности возникали и из-за ухода из жизни самых опытных и авторитетных кадров среди архивариусов. С горечью Готье писал об уходе из жизни выдающихся архивистов. Так, в его записках мы находим характеристику С.А. Белокурова: «Умер С.А. Белокуров. Для Архива иностранных дел и Общества истории и древностей, где он был всем, это невознаградимая потеря. Это умный и крупный человек в нашем мире ничтожества; велики были и его недостатки — завистливость, мстительность, властолюбие; но они уравновешивались добросовестностью, преданностью своему делу и в особенности той гибкой стойкостью, которую он обнаружил в последний год, когда он спас архив и всех служащих, не поступаясь собственным достоинством»³.

Стоит указать на то, что в это тяжелое время занятия в архиве для Готье стали формой отрешения от внешнего мира. Он всецело углубился в работу с архивными документами, сравнивая ее с наркозом и получая от этого искреннее удовольствие⁴.

За заслуги в деле архивоведения и археографии Готье 17 апреля 1924 г. был принят в члены Археографической комиссии. В тот же день этой чести удостоился и Яковлев⁵. 17 июля того же года в члены Археографической комиссии был единогласно избран и Веселовский. В «Записке» на его избрание говорилось, что «в среде ныне здравствующих историков русского права и народного хозяйства С.Б. Веселовскому бесспорно принадлежит первенство»⁶.

Архивная работа шла рука об руку с археографической деятельностью. 6 января 1925 г. Готье сделал доклад в Археографической комиссии по проблеме публикации исторических источников Нового и новейше-

¹ Быкова Л.А. Хранилище частных актов (Хранчасар) в Москве, 1919 г. // АЕ за 1993 г. М., 1995. С. 291.

² Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 г. // ВИ. 2000. № 8. С. 100.

³ Готье Ю.В. Мои заметки... С. 199.

⁴ Там же. С. 265, 289, 294, 406.

⁵ *Летопись* занятий Археографической комиссии за 1923–1925 годы. М., 1926. Вып. 33. С. 27; АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 257. Л. 1.

⁶ *Летопись* занятий Археографической комиссии за 1923–1925 годы... С. 34.

го времени. Открытие архивов и стремление широкой общественности осмыслить свое недавнее прошлое или использовать его в политической борьбе привело к лавинообразной публикации документов, касавшихся новейшей истории. Понятно, что подавляющее большинство таких публикаций были сделаны не на высоком уровне, во-первых, из-за низкой квалификации публикаторов, а во-вторых, из-за того, что опыта публикации современных документов у историков тогда практически не было. Именно этот вопрос и затронул выступавший. В первую очередь, он указал на необходимость выработки четких правил и приемов издания памятников Нового времени, а также разработки их применения к отдельным видам памятников. Готье считал, что в первую очередь должны быть проработаны следующие вопросы: «1) орфография (возможность в научных изданиях перевода старого правописания на новое); 2) пунктуация; 3) размещение документов; 4) отношение к текстам и цитатам на иностранных языках (подлежат ли они переводу или нет); 5) о комментариях, приложениях и указателях»¹. Сам историк по опыту подготовки к изданию переписки К.П. Победоносцева с А.Ф. и Е.Ф. Тютчевыми считал целесообразным решить эти вопросы следующим образом: размещение памятников должно идти в хронологическом порядке; иностранные тексты оставлять в том виде, в котором они есть в документе, лишь иногда давая перевод; в примечаниях давать пояснения именам и событиям². К сожалению, публикация так и не увидела свет, но историк, в том числе и на данных материалах, впоследствии выпустил несколько статей. В дальнейшем московские историки отошли от активной архивной деятельности, особенно после того, как архивы в СССР попали под жесткий контроль со стороны государственной и партийной администрации³.

Несмотря на тяжелое время, научная жизнь не замерла окончательно. Зачастую историкам приходилось делать работы, посвященные «актуальной тематике». Так, Яковлев писал популярные очерки по истории Аргентины, Бразилии, Чехословакии, Австрии, Югославии и т. д.⁴, крестьянству в Китае, Индии и Японии⁵. В то же время историк смог вернуться к увлечению юности, античной истории. В архиве Яковлева сохранилась монография «Братья Гракхи (Борьба за землю в древнем Риме)»⁶.

¹ Там же. С. 44.

² Там же.

³ См.: Хорхордина Т.И. Архивы в «Зазеркалье»: Архивоведческая культура тоталитарных режимов // Советская историография. М., 1996. С. 191–214.

⁴ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 18–21, 25–29.

⁵ Там же. Ед. хр. 30–33.

⁶ Там же. Ед. хр. 24.

В 1917 г., наконец-то, вышел сборник в честь М.К. Любавского, где все представители младшего поколения московских историков отметили своими статьями. Если Яковлев и Готье опубликовали статьи, освещавшие их текущую работу над монографиями¹, то Бахрушин поместил в сборник капитальную статью, посвященную московскому восстанию 1648 г.² Заново проработав уже опубликованные документы и проведя интенсивные архивные изыскания, Бахрушин по-новому взглянул на этот важный эпизод русской истории XVII в. Он категорически отверг мнение о случайности восстания. С его точки зрения, причиной волнений стали те социально-экономические противоречия, которые были характерны для общества. Они усугубились неудачной правительственной финансовой политикой и борьбой внутри боярства³. Бахрушин указал на участие в восстании широких слоев населения, но при этом главной движущей силой считал тяглое население, «черных людей»⁴. В этом он разошелся с киевским историком П.П. Смирновым, утверждавшим, что движущей силой восстания были дворяне и дети боярские замосковских городов⁵. Автор проанализировал и идеологию восставших, придя к выводу об их антибоярской направленности⁶. Данное исследование внесло заметный вклад в изучение социальных движений XVII в.

Еще одной статьей, выпущенной Бахрушиным в рассматриваемые годы, стала работа «Политические толки в царствование Михаила Федоровича»⁷, которая является как бы продолжением исследования Яковлева «Безумное молчание». Если в первой рассматривалось общественное сознание периода Смуты, то теперь Бахрушин пристальное внимание обращает на настроения в первые годы после Смутного времени.

Статья не была опубликована при жизни автора. По мнению современных издателей, она была написана после 1918 г. и не позднее середины

¹ Готье Ю.В. Отзывы губернаторов шестидесятих годов XVIII века об областном управлении // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. 19–31; Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства // Там же. С. 775–777.

² Бахрушин С.В. Московское восстание 1648 г. // Там же. С. 709–774. Ссылки даются с определенными корректировками на: Научные труды. Т. II. М., 1954. С. 46–91.

³ Там же. С. 59.

⁴ Там же. С. 69.

⁵ Смирнов П.П. О начале Уложения и Земского собора 1648–1649 гг. // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. № 9.

⁶ Бахрушин С.В. Московское восстание 1648 г. ... С. 83.

⁷ Бахрушин С.В. Политические толки в царствование Михаила Федоровича // Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 87–117.

1920-х гг.¹ С данной датировкой следует согласиться. Бахрушин отталкивался от мысли В.О. Ключевского об изменении настроений московского общества. Своей задачей он видел изучение «политических интересов эпохи... и направление тогдашней политической мысли»². Но автор сам указывает, что в то время политическая мысль отсутствовала в современном ее понимании. Автор связывал это с «примитивностью вообще всего строя и отношений, существовавших в молодом государстве»³. Политическая мысль бытовала в форме хаотичных пересудов, слухов, т. е. того, что в историографии сейчас называется массовым общественным настроением. Именно на эти отрывки информации и обратил внимание Бахрушин.

Для решения поставленных задач исследователь использовал значительно больше источников, нежели это было сделано в работе Яковлева. Он черпал информацию как из хорошо известных сочинений, так из вновь найденных в архивах документах. Так, автор активно использовал следственные дела, где нашел множество информации по социальным настроениям в Московском царстве первой половины XVII века.

Также как и Яковлев, Бахрушин в начале отмечает, что «люди Московского государства вышли из Смуты с горячей жаждой порядка и покоя»⁴. Но уже дальнейшие исследовательские находки историка во многом опровергают этот тезис. Он обнаруживает огромное количество свидетельств о том, что обстановка в обществе была достаточно напряженной.

В работе автор отмечает то, что интерес к политике у простых жителей ограничивался вниманием к жизни царя⁵. Гораздо больше простых людей волновали проявления социальной несправедливости, которую они всегда связывали с боярами и дворянством. Бахрушин объясняет это тем, что власть государя, носившая вотчинный характер, проникала во все сферы жизни государства. Здесь историк уловил важную черту политической культуры того времени: концентрацию всех сторон жизни государственного аппарата на личности самодержца, что целиком и полностью подтвердили современные исследования, в том числе и в области исторической антропологии⁶.

¹ Дубровский А.М. Предисловие // Там же. С. 10.

² Бахрушин С.В. Политические толки в царствование Михаила Федоровича... С. 87.

³ Там же. С. 90.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 114.

⁶ Например: Кивельсон В. «Мужское волшебство высокого уровня». Политическое колдовство при московском дворе // Родина. 2004. № 12. С. 22–25.

В своей работе Бахрушин большое внимание уделяет изучению различных слухов, которые ходили по государству в первые годы после Смуты. Здесь и слухи о царевиче Дмитрие, пересуды о патриархе Филарете, рассказы о самом царе. Исследователь отмечает, что ни один царь не умер без того, чтобы после его смерти не ходили толки о ее насильственном характере¹. Автор совершенно верно указал на огромное значение слухов в условиях социальной напряженности, которая существовала на тот момент в государстве.

Подводя итоги, автор с сожалением замечает: «Смута, всколыхнув было политическую мысль, в общем итоге прошла почти бесследно для политического воспитания масс»². Один шаг оставался до признания особого менталитета у людей того времени по сравнению с современниками Бахрушина, но он его не сделал.

Серию историко-антропологических исследований Бахрушина продолжили статьи, посвященные рассмотрению конкретных рядовых деятелей XVII в. В таком ключе написана статья о Павле Хмелевском, авантюристе, поляке на службе русских, сосланном за провинности в Сибирь³. Через призму судьбы этого человека историк показывает нравы небольших сибирских поселений XVII в. и беспринципную борьбу за власть, проходившую там. Самого Хмелевского исследователь рисует неуравновешенным и жестоким человеком.

Данный подход нашел продолжение. В статье, впервые опубликованной в 1924 г. и освещавшей жизнь сибирского воеводы А.Ф. Палицына, историк справедливо писал: «...Люди русского государства, их нравственная физиономия, их интересы, качества и недостатки мало привлекали внимание исследователей, и можно сказать, что до сих пор русский человек XVI–XVII вв. остается для нас неизвестным»⁴. Таким образом, автор на основе открытого им так называемого «Мангазейского дела» предполагал через жизнь отдельного человека рассмотреть эпоху. Бахрушин находил немало типичных черт в судьбе воеводы, но еще больше его интересовала уникальность Палицына.

Историк отметил, что Палицын прошел через битвы Смутного времени, предопределившие такие качества его характера, как, с одной стороны, решительность, а с другой — самоуверенность. Это особенно ярко проявилось во время его воеводства в Мангазее. Бахрушин подробно

¹ Бахрушин С.В. Политические толки в царствование Михаила... С. 111.

² Там же. С. 115.

³ Бахрушин С.В. Павел Хмелевский // Сборник статей по русской истории, посвященный С.Ф. Платонову. СПб., 1922. С. 269–285.

⁴ Бахрушин С.В. Андрей Федорович Палицын // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III. Ч. 1. М., 1955. С. 175.

описал повседневную жизнь как городка, так и своего героя, с его самодурством, диктаторскими замашками, моральной нечистоплотностью, мздоимством. В то же время он отметил и начитанность, и ум Палицына, что проявилось в его донесениях, написанных изысканным литературным языком. Большой интерес воевода проявлял и к европейской культуре. «Впечатлительный, талантливый, в достаточной мере образованный, он в личные отношения, и в свои писания, и в порученное ему дело управления... вносил страстность своего темперамента, оригинальность мысли, широту понятий»¹, — рисовал историк психологический портрет своего героя. Подводя итоги, Бахрушин видел в Палицыне «намек на зарождение русской интеллигенции»².

Обе статьи написаны, по современной классификации, в русле микроисторического подхода, когда внимание к деталям позволяет лучше понять изучаемую эпоху. Истоками данных работ являются, очевидно, исторические портреты и исследования их учителя Ключевского, также большое внимание уделявшего социально-психологическим аспектам истории. Данный ракурс позволил Бахрушину выявить новые тенденции в развитии русского общества: формирование вначале небольшого слоя русских людей, отдававших свои симпатии западной культуре, что явилось предпосылкой вестернизации страны в XVIII в.

Очевидно, что данная проблематика и ракурс исследования были навеяны проходившими событиями революций и Гражданской войны. В их контексте данные работы оказывались весьма актуальными. Резюмируя, отметим, что появление выше проанализированных работ было связано как с общими тенденциями развития российской историографии в начале XX в., так и с тем социальным фоном, на котором они писались. Определенное внимание к общественным настроениям ушедших эпох, как уже говорилось, можно найти у представителей и более старшего поколения русских историков, но, в отличие от них, работы Яковлева и Бахрушина строятся не на абстрактных и антиисторичных идеях «мирового духа», «народного темперамента» и т. д., а на конкретном историческом материале. В этом данные работы похожи на те исследования, которые проводились в рамках школы Анналов М. Блоком и представителями третьего поколения этого научного сообщества. Их характерной чертой был интерес к истории ментальностей, стремление изучить жизнь и представления о жизни «маленького человека», проникнуть в его психологический мир.

К сожалению, историко-антропологические исследования не получили дальнейшего развития в нашей стране. Связано это было с ломкой

¹ Там же. С. 193.

² Там же. С. 197.

научного сообщества, произошедшей в 1920–1930-е гг., и последовавшего монометодологического диктата. Тем не менее мы можем сказать, что отечественная историческая наука, и в частности Московская школа, развивалась не только в общем русле с мировой историографией, но где-то даже опережала ее. Не случайно такой авторитетный американский специалист, как Т. Эммонс, указывал на то, что ученики В.О. Ключевского во многом предвосхитили появление французской школы Анналов¹, что подтверждается и анализом историко-антропологических исследований Яковлева и Бахрушина. Стоит указать, что в данном случае работы московских историков находились в русле общего развития российской исторической науки, которая (опережая европейскую) направила свои усилия на изучение социально-психологических аспектов исторического процесса. Специально занимавшийся этой проблемой В.И. Шувалов пришел к выводу: «...Именно в России, конечно, не совсем осознано и не считая данную тематику центральной, впервые в мировой теоретической мысли проблема менталитета была сформулирована в заданной плоскости»².

Смутному времени посвятил книгу и Готье. Книга носила популярный характер, и, как признавался сам автор, была написана для заработка³. Но, благодаря популярному характеру работы, в книге есть немало параллелей с современными событиями, что позволяет с ее помощью дополнить картину осмысления историком революции. Работа имела подзаголовок: «Очерк истории революционных движений начала XVII столетия», тем самым Готье проводил параллель между событиями начала XVII в. и современностью. Введение было посвящено рассуждению о том, «Что такое Смутное время?». В нем историк сравнивал жизнь человека и государства. Он повторял популярную аналогию возрастов человека и общества, разделяя эволюцию государства на юность, зрелость и старость⁴. Ученый признавал, что революция является необходимым элементом развития общества, позволяя «исцелиться от болезней»⁵. Он отметил, что «чем глубже болезнь, чем резче сдвиг, тем дольше жизнь народа и государства не может возвратиться в свои исторические рамки»⁶. Историк подметил закономерность, что революционные потрясения сменяются периодом

¹ Эммонс Т. Ключевский и его ученики // ВИ. 1990. № 10. С. 57.

² Шувалов В.И. Социально-психологический аспект изучения истории в российской историографии последней трети XIX — первой половины XX в. М., 2001. С. 49.

³ Готье Ю.В. Мои заметки... С. 300.

⁴ Готье Ю.В. Смутное время. Очерк истории революционных движений начала XVII столетия. М., 1921. С. 4.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Там же.

реакции, более или менее мягкой. В это время народ с новой «энергией и силой устремляется в дальнейший исторический путь»¹.

Смутное время и рассматривалось историком как следствие болезней предыдущей эпохи. Он считал, что это время «представляется нам цепью революционных взрывов, развивавшихся непрерывно один за другим и несших за собой длительные колебания и волнения»². Тем самым ученый указывал на закономерный характер явлений, а течение Смуты видел как детерминированную цепь исторических фактов.

Истоки событий Смутного времени историк находил в соперничестве Москвы и Литвы, повторяя вслед за своим учителем М.К. Любавским³, что Москва и Вильно были альтернативными центрами объединения русских земель. С точки зрения Готье, характерной чертой мировоззрения русского человека являлось непонимание ценности государства, стремление искать «приволья»⁴. Тяжелая жизнь в Московском царстве, обусловленная постоянной необходимостью тратить огромные силы на оборону границ, привела к миграции населения на юг, что, в свою очередь, способствовало частичному запустению земель в Центральной России и скоплению «горячих материалов» на южных рубежах. Еще одной причиной кризиса власти стала разобщенность правящей верхушки, распавшейся на три ветви: государство с чиновниками, остатки московского боярства и удельно-княжеское боярство⁵. Все эти факторы (колониационные, хозяйственные и политические) и вызвали кризис государства и общества. Но кроме конкретных предпосылок историк указывал и на фундаментальную: «В состоянии формирования и роста страна еще не пришла к равновесию и правильному течению жизни...»⁶. Чтобы перейти от состояния неустойчивого равновесия к сформировавшемуся обществу, по мнению Готье, страна должна была пройти через «революционный взрыв»⁷.

В дальнейшем историк в общих чертах осветил фактическую сторону Смутного времени. Подводя итоги, ученый повторил вывод, сделанный еще С.Ф. Платоновым, о том, что государство в Смуту спасли средние слои населения, заинтересованные в стабильности. В заключении Готье писал, что, пройдя через Смуту, русский народ подготовил себя к «разрешению других исторических задач». Еще одним следствием

¹ Там же. С. 6.

² Там же. С. 8.

³ Сидоров А.В., Старостин Е.В. Любавский Матвей Кузьмич // Историки России. Биографии... С. 374.

⁴ Готье Ю.В. Смутное время... С. 16.

⁵ Там же. С. 21.

⁶ Там же. С. 21–22.

⁷ Там же. С. 22.

эпохи потрясений стало то, что Русь вышла из международной изоляции¹. Таким образом, историк не соглашался с мнением некоторых ученых, утверждавших, что Смута привела к «закрытию» России.

Книгу Готье, конечно же, нельзя рассматривать как фундаментальное научное исследование. Тем не менее она сыграла роль в популяризации знаний о Смутном времени. Если читать между строк, основываясь на том, что в книге прослеживается намек на современные историку события, то можно предположить, что автор верил, что революционные события и Гражданская война — это «испытание», которое необходимо пройти.

С окончанием Гражданской войны ситуация в стране менялась, что отразилось и на повседневной жизни. В 1923 г. Веселовский записал в дневнике: «В сравнении с тем, что было 2–3 года назад, огромная перемена... Толпа стала значительно сдержаннее, вежливее, а по временам отдельные лица проявляют к своим незнакомым согражданам даже доброжелательство...»². Но революционное время навсегда перечеркнуло нормальное течение жизни. «Революция съела у меня все, что было у меня самого дорогого...»³, — писал Готье еще в 1919 г.

Научная работа шла рука об руку с просветительской. Особенно это ярко проявилось в деятельности Яковлева. С приходом большевиков к власти он оказался в своеобразном привилегированном положении, несмотря на свое сотрудничество с Корниловым. Причиной тому было знакомство с В.И. Лениным еще по симбирской гимназии, а отец Яковлева хорошо знал отца Ленина. Прекрасные отношения у Яковлева были и с Дмитрием Ульяновым, братом В.И. Ленина. Пользуясь своим положением, он многое сделал для помощи своим коллегам в годы Гражданской войны. Так, после ареста некоторых служащих Румянцевского музея, где продолжал работать Яковлев, только его личное ходатайство к Ленину помогло их освободить. Вот как этот случай описывает Ю.В. Готье: «Вчера были, между прочим, арестованы кадеты, собравшиеся в кадетском клубе: в том числе З.Н. Бочкарева и Юрьев, служащие в нашей Румянцевской библиотеке. Сегодня Яковлев был у Ленина для их освобождения и, кажется, добился успеха. Характерен разговор, который, как передал Яковлев, произошел между ними. Ленин: „Мы арестовали людей, которые будут нас вешать“. Яковлев: „Не эти, а другие будут вас вешать“. Ленин: „Кто же?“. Яковлев: „Это я вам скажу, когда будете висеть“»⁴. Он неоднократно решал вопросы элементарного снабжения Румянцевского

¹ Там же. С. 148–149.

² *Веселовский С.Б.* Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 г. // ВИ. 2001. № 2. С. 73.

³ *Готье Ю.В.* Мои заметки... С. 334.

⁴ Там же. С. 158.

музея¹, помогал различным деятелям культуры. В частности, ему обязаны: философ И.А. Ильин, которого, благодаря настойчивым просьбам Яковлева, выпустили из ЧК, а также друг-историк Бахрушин, освобожденный путем личного ходатайства Яковлева перед Лениным². Приходилось искать защиты и для собственного отца, который сталкивался с неприятностями в Симбирске.

По словам Е.В. Пчелова, О.М. Медушевская вспоминала, что в научной среде ходило своеобразное предание об одном разговоре Ленина и Яковлева. Якобы Владимир Ильич спросил у историка, к какой партии тот принадлежит. Тот ответил, что ни к какой, но ближе всего ему идеи партии кадетов. «Какая жалость, — сказал Ленин, — я-то думал, что вы хотя бы социал-революционер!».

Несмотря на покровительство Ленина, в Москве из-за нехватки удовольствия жить становилось все сложнее и сложнее, поэтому в августе 1919 г. Яковлев со своей семьей переехал в Симбирск к отцу³. После отъезда Яковлева Готье записал в дневнике: «Одним другом и умным собеседником меньше»⁴. Два года историк жил на два города — Симбирск и Москву. Он бы переехал и раньше, но боялся бросить Румянцевский музей, который нередко защищал от произвола новых властей⁵.

В родном городе он получил должность директора Чувашского института (вскоре переименованного в Чувашский ударный институт народного образования). Как отмечал в своем дневнике друг отца Яковлева, А.В. Жиркевич, историк столкнулся с массой проблем в организации учебного процесса. «Он с головой погружен в разные чувашские дела административно-хозяйственного свойства и, по его словам, терпит много неприятностей — в благодарность за свои хлопоты и труды — от разных хамов, и советских и чувашских»⁶. Возможно, что интенсивная работа была попыткой отвлечься от происходящих событий, помогающей пережить разруху страны. По свидетельству А.В. Жиркевича: «На вопрос отца, верует ли он в возрождение России, Алексей Иванович с сердцем ответил ему: „Папа! Никогда не задавай мне такого вопроса! Когда я утрачу всякую веру, то убью себя и детей, чтобы они не страдали напрасно“». Но тут же приписано: «Старик всерьез боится, что сын его исполнит такую угрозу»⁷. Видимо, и Яковлев нередко приходил в отчаяние

¹ Коваль Л.М. Князь В.Д. Голицын и Румянцевский музей. М., 2007. С. 231.

² Александров Г.А. Алексей Иванович Яковлев — историк, археограф, педагог // ВИ. 2003. № 8. С. 154.

³ Жиркевич А.В. Мои встречи с И.Я. Яковлевым. Чебоксары, 1998. С. 219.

⁴ Готье Ю.В. Мои заметки... С. 421.

⁵ Жиркевич А.В. Мои встречи с И.Я. Яковлевым... С. 90.

⁶ Там же. С. 245.

⁷ Там же. С. 255.

и впадал в пессимизм. В дневнике Жиркевича осталась и характеристика историка: «А.И. Яковлев — человек удивительной доброты, а вместе с тем и житейской практичности»¹.

В руководстве институтом ученому пришлось решать массу чисто бытовых вопросов. Он вынужден был добывать дрова, проводить электричество. «Мне пришлось принять в заведование сложное полуразрушенное школьное хозяйство и стать лицом к лицу с топливным кризисом»², — писал он Готье. 9 октября 1919 г. историк читал лекцию по истории Смутного времени перед красноармейцами. По свидетельству Жиркевича, им не понравилась монотонная академическая манера чтения. Интересно отметить, что во время лекции Яковлев сказал, что «между событиями времен появления самозванцев и нашей эпохой — полное сходство»³. В институте дела также шли не блестяще: многие учащиеся не признавали авторитета историка⁴. 19 марта группа радикально настроенных студентов-чувашей добилась отставки Яковлева с поста директора⁵.

Занятие ключевых должностей привело к тому, что Яковлев нажил себе множество врагов. Даже слава «находящегося под покровительством Ленина» не всегда спасала его. В 1922 г. ректором Чувашского ударного института народного образования был назначен местный партийный деятель И.Н. Яштайкин, который сразу же уволил Яковлева из института за «буржуазное» преподавание истории⁶.

Кроме трудностей и неприятностей были и положительные события. 30 июня 1920 г. Яковлева официально избрали членом Общества истории и древностей Российских при Московском университете⁷. 21 июня 1921 г. Яковлева назначают ректором только что открытого Симбирского университета. Впрочем, это назначение историк принял скорее по необходимости, тяготясь административной работой. На посту он проработал около года. После этого осенью 1922 г. Яковлев со своим отцом переехал в Москву⁸.

Итак, революционная эпоха разделила жизнь и творчество московских историков на два периода. Революцию Ю.В. Готье, С.Б. Веселовский

¹ Там же. С. 246.

² А.И. Яковлев — Ю.В. Готье. 23 октября 1920 г. // Готье Ю.В. Мои заметки... С. 547.

³ Жиркевич А.В. Мои встречи с И.Я. Яковлевым... С. 229.

⁴ Там же. С. 244, 251.

⁵ Там же. С. 252.

⁶ Александров Г.А. Историк А.И. Яковлев // Александров Г.А. Чувашские интеллигенты. Биографии и судьбы. Чебоксары, 2002. С. 186.

⁷ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 222.

⁸ Александров Г.А. Жизнь и деятельность И.Я. Яковлева в документах архивов и библиотек. 1917–1919 гг. // Отечественные архивы. 2009. № 2. С. 72.

и А.И. Яковлев встретили как крушение русской цивилизации. Позиция С.В. Бахрушина менее ясна, но, очевидно, что он был против разрушения российской государственности.

Несмотря на радикальное изменение условий жизни и труда, они продолжали активное участие в научной жизни, точнее в том, что от нее осталось. Работа по спасению архивов от революционной анархии стала важной вехой в истории не только русской исторической науки, но и культуры в целом. Московские историки продолжали просветительскую и научную работу. В то же время годы без нормальной, систематической исследовательской деятельности не могли пройти бесследно. Крушение привычного мира застало московских историков в пору их научной зрелости и расцвета их творчества. Но вместо плодотворной работы приходилось думать о выживании. Потерянные годы было уже не вернуть.